
Андрей МАКАРОВ

РАССКАЗЫ

из цикла «Золотая чешуя»

НАМАСТЕ

рыбы в аквариуме
догадываются
что мир не кончается
стеклом
там, за стеклом —
небо рыб
они мечтают о нем
и верят
что попадут туда
после смерти

Илья Кормильцев

Тусклый промозглый туман висел над взлетным полем. Густая белесая пелена поглотила застывшие у телескопических трапов самолеты, превратив их в темные беспомощные силуэты. Где-то в глубине этой сырой мглы перемещались белые и оранжевые всполохи, выдавая движение по полю сервисных служб, и вставало солнце. Жидкий утренний свет с трудом пробивался сквозь туманную вату, проникал через широкие витражи аэропорта, падал вялыми бликами на серый гранит почти пустого зала ожидания.словно на оттертом рукой участке запотевшего стекла, гранит обретал четкость на границе с черной и белой глянцевой плиткой, уложенной в шахматном порядке на полу открытого бара. Единственными невнятными пятнами среди его блестящего стекла, темного дерева и никелированной стали были два посетителя — молодой бармен во всем черном и плотный мужчина в мутно-зеленом камуфляжном костюме.

Камуфляж на мужчине, основательно оккупировавшем высокий стул у стойки бара, смотрелся уместно. Видно было, что эту форму посетитель надел не впервые и носит ее с толком. Правда, на прямоугольных нарукавных и нагрудных «липучках» отсутствовали шевроны, а на погончиках — знаки различия. Обрюзгшее лицо мужчины было гладко выбрито, от него терпко пахло лосьоном.

— Воевать легите? — вполголоса спросил бармен, ставя перед клиентом увесистый стакан с толстым дном и на четверть наполняя его ярко-медным напитком из углового сосуда.

Андрей Викторович Макаров родился в 1976 году, образование высшее финансово-экономическое, второе образование МВА ВШМБ АНХ при Правительстве РФ. Автор романа «Дорога к Белому берегу» (2021). Живет в Москве.

— Да нет, слава богу! Еще не хватало, — ответ прозвучал брезгливо. — Что у вас — как увидите камуфляж, так сразу в полковники записываете. Далась вам эта война. На рыбалку я лечу. На север.

— А-а-а... — казалось, разочарованно протянул бармен. — А чего тогда в одиночку? На рыбалку обычно компанией...

— Ну вот опять... Вот всем вам компанию подавай, — крикнул посетитель. — Хотя я раньше тоже думал, что положено с друзьями ездить. Хошь не хошь, а вынь да положь друзей-товарищей.

— А чем плохо-то? — пожал плечами бармен.

— А чем хорошо?

— Сами ж говорите: друзья-товарищи. Рыбку половить, посидеть, поговорить по душам... Мужское братство.

— Эх, парень. Да какое там братство, если по-честному. Мне вот однажды это все-му цену определили.

— В смысле?

— В прямом. Собрались компанией, приехали, разложились. Удочки пока что в чехлах, зорька ясная, а у нас поляна царская — хоть юбилей отмечай. Тут тебе и беленькая, и вискарь этот, и даже самогону кто-то притаранил для полной аутентичности. Ну и закусь соответствующая: сало непременно, колбаска, шпроты, селедка, рыбка красная. «Пять звезд» на болоте.

— Ну и?

— Ну вот. Только расплеснули первую дозу по стаканам, как из кустов местный дед вылез. Седой весь, борода в клочьях, фуфайка драная, в заплатках, сапоги кирзовые... Картина Репина — явление Христа народу. В одной руке удилище самопальное, в другой на кукуане пара линей свисает. Золотистых таких, ядреных. Не рыбы, а самородки! Мы на него вылупились: «Дед, где тут такие ловятся?» А дед хмыкнул, носом шмыгнул, оглядел наш бивак и говорит: «Не где, а у кого».

— То есть?

— Ага, мы тоже так спросили. А он: «Кому рыба в воде, а кому в банке. Вам, городским, и удочки разматывать не надо. Чего зря беспокоиться? Вы ж как судаки бестолковые: вместо рыбалки пьянку затеяли». Мы ему: «У вас тут в деревне одни трезвенники, что ли? Чего мораль-то читаешь?» Он покивал: «У нас, — говорит, — тоже ухарей хватает. Кто помоложе, те в город рвутся. Чтоб потом с вами сюды наезжать, прости Господи...» Махнул на нас рукой и пошел восвояси. Мои-то приятели проводили его словом отборным, и «ну... за рыбалку!» А мне, веришь, ни рюмка, ни закусь в горло не полезли. «И правда, — думаю — хрена ль приперлись? Могли и дома в кабаке сидеть». А главное, как ловить начали — ни у кого ни одной поклевки. То ли сглазил дедок, или сами себя сглазили. Наши опять философа деревенского материть, а я им: «Чего лаеется? Прав дедок. Не положена нам в таких местах рыба. Оторвались от корней. Нам она теперь в магазине положена».

— И что приятели? Поняли?

— Не-а, — мужчина отхлебнул глоток виски. — Пальцами у висков на меня покрутили, а сказать-то нечего. Домой засобирались. А больше как-то и желания нет вместе куда-то отрываться.

— Теперь, значит, в одиночку ездите? И как? Начала рыбка ловиться?

— Да рыба тут вообще ни при чем! Она ж только повод: от людей отдохнуть, от суеты, — посетитель театрально вздохнул. — Наедине с собой побыть...

— Помогает?

— Да, не особо, — камуфляжник отмахнулся. — Отпускает ненадолго, а вернешься и снова в суету ныряешь... Каждому свой омут. От одного лишнего избавляешься, а другое налипает.

— Хорошо, когда знаешь, что лишнее, а что нет... — с какой-то неожиданной тоской произнес бармен и взглянул мимо рыбака на начавший желтеть туман, плотным занавесом висевший за стеклами аэропорта. — Я вот до этого бара на нефтяной вышке поработал, вахтой. Там по утрам тоже за полшага в тумане ни звука, ни пятна. Тоскливо было, скучно. Народ как на подбор сермяжный, приземленный — за деньгами приехали. Каждый о зарплате только и думает, и говорит о нем, права качает...

— Оп-па, — рыбак впервые взглянув на собеседника повнимательнее, словно наводя резкость. — А ты-то туда за каким лядом поперся? Без обид, но тебе скорей в ботаниках место, чем в буровиках.

— Ага. И про мужское начало расскажите. И про рабочую косточку. Это мне все батя в свое время после каждой пьянки подробно докладывал. До печенок достал. Я и решил, что найду себе дело мужское, чтоб по вкусу. Чтоб с романтикой. Чтоб с «запахом тайги», как говорится.

— И чего? Не в цвет попал?

— Не-а. Мутно там все. И люди мутные, — бармен растопырил пальцы на правой руке, потом повертел кистью в воздухе. — Сидельцев бывших много. В комнатах при буровой по шесть-восемь человек, как сельди в бочке. Хотя многим не привыкать... Мат-перемат, разговоры только про баб да про охоту с рыбалкой. От монотонности башня съезжает, всяк характер свой дурной показывать начинает. Разве что драк не было, так за тем старший смены следил — сам кому хошь навешать мог, если надо. Так что отвахтовал я свое, нахватался романтики и к цивилизации.

— Выходит, прав твой батя оказался, хоть и бухал... Тут, что ли, твоя цивилизация? — рыбак хохотнул. — В этом баре? Да это та же вышка нефтяная, только вместо скважины алкоголь из горлышка течет и сразу в деньги превращается. Без трубопровода. Пойми уже, романтик, никто никого от необходимости бабло рубить не освобождал. Любого поскреби — жлоба найдешь. И чем романтичней, тем больше ему халявы подавай за тонкость его натуры. А ведь все одинаковые — плотва на двух ногах. Ты правильно прочухал — за стойкой-то философствовать приятней, скажешь, нет?

— Про плотву — это вы убедительно говорите, — поморщился бармен. — Видать, по собственному опыту? Если все рыбы, то себя-то какой считаете? Или вы и тут рыбак? Так вроде один был уже — ловец душ человеческих. Да только распяли его, вот незадача.

— Ты, друг мой, молод еще о таком рассуждать, — зло прищурился посетитель. — Если о Боге говорить, то он-то и знал, чего сотворял. Одного рыбой, а другого человеком. Одному рыбачить, а второму добычей быть. А третьего не дано.

— Так-то оно так, только роли меняются, — улыбнулся бармен. — Вчера рыбак, а завтра уже рыбам на корм пошел. Кто тогда охотник, кто рыба, а кто наживка?

— Ну ты даешь, паря! Людей в червей записываешь?

— Никого я никуда не записываю! Каждый сам свою судьбу определяет — кто он, где он и куда идет. Только вот смотрю на тех, что каждый день мимо бара текут, и иногда кажется мне, что это не люди, а рыбы плывут мимо меня. Как в огромном аквариуме. Кто поодиночке, кто косяками. Без памяти и понимания.

— Почему ж без памяти?

— Да, говорят, у золотых рыбок памяти на несколько секунд всего. Не жизнь, а сплошное приключение. Каждый рассвет, как в первый раз. Вот и люди. Живут, существуют, плещутся, а ведь и воде, и миру вокруг все равно. Они остаются прежними.

Солнце, луна, звезды, омуты, приливы-отливы... Мы без памяти живем и сами памяти не заслуживаем. Нас не будет, а мир останется...

— Потому и хочется порой всех убить! — с нажимом произнес рыбак, глядя, как за спиной работника прилавка в зеркале и гранях разнокалиберных бутылок плывут и дробятся отражения. — И что же делать?

— Выйти.

— Куда? В окно? Там вон ни зги не видно, сплошной туман.

— Выйти из цепочки.

— Разговоры все это одни, — насмешливо хмыкнул посетитель. — Все только болтать горазды. А поступка спросишь — и нет ничего!

— А я последний день тут работаю, — ответил бармен. — Добровольцем решил пойти. Война ж.

— Серьезно?! — мужик вскинул брови. — И это твой выбор?

— Да. И это точно не про деньги.

— А про что?

— Про смысл. Надо шелуху отколупать. Туман разогнать. Говорят, там, на фронте, все отчетливей, ясней становится — и жизнь, и смерть. Как эти клетки на полу.

— Думаешь, дадут тебе в руки оружие, и с ним обретешь ясность, спасение? Или проверить хочешь, тварь ты дрожащая или право имеешь? Глупость все это. От себя, мой друг, не убежишь. Да и убить сразу могут. Вернешься тогда к своему батю не с крестами и не на кресте, а запаянный в цинковой банке. И чем ты тогда не такая же рыба, без памяти и понимания?

— Ну а ваша рыбалка зачем? Все равно — что с компанией, что без — только зря время тратите. Еще и камуфляж военный нацепили. От кого прячетесь, кого изобразить хотите? Думаете, взяли в руки удочку, так стали рыбаком? От себя, сами же говорите, не убежишь.

Серые водянистые глаза посетителя округлились, гневно вспыхнули, но тут же погасли. Мужчина опрокинул в рот бокал, осушив его полностью, но не вернул его бармену, поставил перед собой, обхватил ладонями. В возникшей тишине стало слышно, как глухо и мерно зашумел компрессором холодильник под барной стойкой. Бармен взял в руки сухую красную тряпку и протер край столешницы между собой и клиентом.

Яркий блик солнечного света, пробившись сквозь зыбкое марево, упал парню на лицо, заиграл отсветами на неровном строю бутылок. Это встающее солнце начало разгонять белую муть за окном, разрывая ее на части. Туман редел и растворялся в обретающем прозрачность воздухе. Сквозь прорехи в тумане просвечивало пронзительно-голубое безоблачное небо.

— Скоро взлетку откроют, — показал бармен пальцем на окно и, обращаясь к рыбаку, добавил: — Недолго вам осталось.

Словно в подтверждение его слов, проснулось звуковое оповещение аэропорта, приглашая пассажиров одного за другим задержанных рейсов пройти на посадку. Мужчина взглянул на цифровые тактические часы на левой руке:

— Мой рейс объявили. Перекурить бы. Пепельницу дай.

— У нас в баре не курят. По закону все, — пояснил бармен. — Для этого в конце зала есть курительная комната. Двадцать метров прямо и налево.

— Все у них по закону, по правилам! Кто только придумал правила эти! Лишь бы свободы лишить! — нарочито громко возмутился мужчина. — Ладно, правильник. Бывай. Надеюсь, поймаешь удачу за хвост — станешь рыбаком, из червей выбьешься.

— Удачного полета всем нам, — усмехнулся бармен. — Да пребудет с вами сила.

Мужчина слез с барного стула, бросил взгляд на похожую на шахматную доску поверхность пола и, обернувшись, вдруг сказал бармену во всем черном: — Белые ходят и выигрывают, да?

— Нет, — ответил молодой бармен, забирая пустой бокал рыбака со стойки. — После игры все фигуры падают в одну коробку. Туда, откуда их достали.

— И что делать? Не играть?

— Каждый сам решает, — ответил бармен.

ТИШЕ, ТИШЕ...

Солнце высоко в голубом небе, его золотые лучи наполняют колодец, и я парю в них цветочной пылью — невидимый, клубящийся в теплом сиянии.

Рей Брэдбери. Тот, кто ждет

Живу я теперь здесь — в турецком хаммаме большого спа-центра. Я похож на влажный дымок, наполняющий сумрачное пространство парной белесой пеленой тумана. Или на мягкий пар, проникающий в помещение из отверстий в стенах, облицованных керамическим подобием малахита. Я не передвигаюсь. И ничего не совершаю. Я только слушаю и наблюдаю. На овальном куполе над широким мраморным лежаком в центре я вижу желтые огни. Люди говорят, они похожи на ночные звезды. Может быть — я не видел звезд. У людей есть имена — они то и дело окликают друг друга. У меня нет имени. Меня нельзя окликнуть. Но зато я слушаю и наблюдаю. Я — туман, я — пар, я — свидетель. Медленно и безмолвно струюсь я по мокрым плиткам, поднимаюсь вдоль стен, восхожу к сводам и снова спадаю с них каплями на пол. Я не знаю, сколько это будет длиться. Поэтому я никуда не спешу. Мне некуда спешить. И незачем...

Я помню, как я появился. В тесной пещерке, освещенной жалкой тусклой лампадкой, в небольшом глиняном котле бурлила, шипела вода. Пар от нее поднимался к каменным потолкам и обращался в капельки, которые набухали и вскоре срывались вниз. Одна из них скатилась по своду и упала на лицо только что рожденного младенца, покоившегося на груди матери. Обессиленная от родов, она, вся взмокшая от пота, лежала на охапках сена. Младенец пискнул от неожиданности и захныкал. Стоящие в противоположном углу овцы взволновались и заблеяли. «Тише, тише, мой сладкий», — нежно шепнула малышу мама. Капля скользнула по лицу новорожденного, проникла под хлопковую ткань пеленки, увлажнила тонкую бархатистую кожу, и родился я.

Сегодня много народу. Я не знаю никого из них. Они входят и выходят, ненадолго задерживаясь. В парной тепло, мокро и очень туманно. Парогенераторы пашут усердно. Не чета древним медным котлам. По кафелю растекаются шепотами приглушенные голоса, разрываемые изредка звонкими возгласами расшалившихся детей. Слова эхом отражаются от стен, смешиваются и теряются во влажной пелене. Я научился их понимать. Сперва это было интересно. Теперь скучно. Кап, кап, шлеп, шлеп, буль... В курне плещет вода — маленький мальчик открыл кран и задорно купает в ней розовые ручки. Ему весело, он счастлив, а мне скучно. «Тише, тише, мой сладкий»...

Теперь я все реже прислушиваюсь к разговорам. За многие века они слились в сплошное бульканье и журчание струй в тумане. Вот две молодые девицы живо обсуждают

достоинства и недостатки своих фигур. Старая седая женщина, прислушиваясь к ним, тяжело вздыхает и негромко жалуется вслух на больные колени, но ее не слышат — нет никому дела до нее. Два мускулистых парня спорят о справедливости судьбы, назначившего штрафной. Бородатый мужик с лоснящимся брюхом, посмеиваясь, рассказывает двум друзьям о клиенте, который не умеет считать... Нет давно уже ни одного нового слова под моим куполом. Люди все те же, все так же любят себя, любят богатство, ради которого готовы многое простить, забыть, а также предать и даже убить. Чего я только не наслушался за эти века в мутном пару... Чего я только не видел. Слова и тела, красивые и ужасные, живые и мертвые.

Если в парной собирались мужчины, они много рассуждали: о политике, богатстве, победах и поражениях, редко о женщинах и совсем редко о звездах. Если заявлялись женщины, их речь была обо всем и ни о чем — подобна туману, укрывающему Землю. Вверх и вниз, вообще или конкретно, зло или с любовью — от видов на свадьбу и строительства жизни до интриг и скандалов.

Когда мой хаммам находился в городе двух частей света, один ученый часто приходил ко мне со своими друзьями. Я помню их долгие разговоры о Земле, на которой я пребываю, и о тысячах звезд, которые они наблюдали, глядя в ночное небо. Я слушал седого астронома, ловил каждое его слово и надеялся, что когда-нибудь раскроется купол и я увижу настоящие звезды. Я вглядывался в мутные стеклянные окошки на своде, но не мог разглядеть ничего, кроме пробивавшегося сквозь них днем размытого света. Ученый говорил, что это свет самой главной звезды, затмевающей все остальные. Он убедил султана построить здание, откуда можно было наблюдать за звездами, и оно было построено. Но явилась яркая комета. Она напугала султана и заставила солгать ученого. И его здание было тут же разрушено за эту ложь. Каждому свое. У каждого свой хаммам, у каждого свой харам.

Когда-то давно утешался я гармонично-прекрасными женскими формами, их текучими телами с блестящей гладкой кожей. Струились их речи, струились длинные волосы, ниспадавшие на струящиеся, мерцающие бледным светом плечи. Плывущий влажный дымок размывал женские лица, и я подумал, что в человеческой наготе скрыто больше истины, чем в речах и лицах. Недаром, выходя от меня, они одеваются и прячут правду о себе под нелепыми, лживыми одеждами.

Однажды сюда привели маленькую прелестную девочку с лучистыми голубыми глазами и бархатистой кожей. Она любила лежать на животике на широком лежаке и изображать плывущую рыбку. На ее левом бедре красовалось изящное созвездие из маленьких коричневых родинок. Вскоре она превратилась в роскошную женщину, для которой мое жилище не раз украшали лепестками цветов и окуривали благовониями. Минули многие годы, и однажды в мой хаммам вошла одинокая усохшая старуха со сморщенным крючковатым носом. Дряблая землистая кожа не смогла скрыть от меня в пелене пара знакомое созвездие на бедре. Старуха неприятно шамкала беззубым ртом и, шевеля тонкими, обескровленными губами, жаловалась вслух на боль в пояснице. Венозная синева ее ног отдавала мраморным холодом. Я воочию увидел, как призрачна и обманчива телесная красота. Ложь одежд и ложь тела дополняют друг друга, вселяют надежды, обманывают...

Веками я неспешно струюсь по разогретому мрамору, обвиваю изящные арки, своды, колонны, стелюсь по мозаичным полам, драпирую равнодушные барельефы лепнины... Со временем камень полов сменился шершавой плиткой, а плетеная обувь посетителей резиновыми шлепанцами. Белоснежные тоги съезжились до узких плавок и мохнатых полотенец. Мне кажется, я тоже переменялся — стал холоден и безразличен, как

и подobaет настоящему водяному пару. Я перестал думать о людях, об их туманных горестях и радостях. Все течет, все испаряется. Все сущее становится ничем. Одна участь ждет всех.

Кончается очередной день. Последний посетитель задержался. Благообразный худой мужчина с длинными волосами, небольшой бородкой и печальными глазами. Он необычно долго сидит в туманном углу и грустно молчит, разглядывая моих уходящих гостей. Кажется мне, или я и в самом деле когда-то давно уже видел это лицо? Почему-то хочется вспомнить... Равнодушный смуглый уборщик открывает настежь стеклянную дверь, выпуская остатки пара, и вкатывает свою тележку с пластмассовым ведром, длинной шваброй и сосудами с бытовой химией. Мужчина слышит звяканье тележки, а из-за ворвавшегося в дверь прохладного воздуха осаживается и конденсируется на потолке роса. Вот одна из капель падает вниз, задевая его лицо. Мужчина вздрагивает, и глаза его наполняются слезами. Но он сдерживается. Встает и уходит, оставив меня одиноко блуждать в темных аллеях вековой памяти, в полумраке, в полусвете.

— Тише, тише, мой сладкий, — шепчу я ему вслед. И он, улыбнувшись, оборачивается.

На большом куполе горят желтые огни. Говорят, они похожи на ночные звезды, которых я никогда не видел. Скоро они погаснут — до утра. Как сказать вам, кто я, если я не знаю этого сам? Как сказать вам, кто я, если я не понимаю, кто я и зачем я на этой Земле? В чем цель моего существования? Я не знаю. Я просто слушаю и наблюдаю. Я — свидетель. Человек жалок, наг и убог. И у него тоже нет цели, только какой-то непостижимый Бог, которого он просит о спасении. Когда-то и это закончится. И это пройдет. Зачем я здесь?!

— Тише, тише...